

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Нужна *Любовь*
безумная смелость, *не ждет*

чтобы вытпаться погасить пожар, а не спастись от него.

Джоанна Линдсей Любовь не ждет

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707012
Линдсей, Джоанна Любовь не ждет : [роман] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-080029-2

Аннотация

Две семьи, враждующие с давних времен, наконец решили примириться. И разумеется, самый удачный ход – поженить своих детей, Тиффани и Хантера. Правда, невеста в силу определенных обстоятельств никогда не видела жениха.

Конечно, никто не собирается принуждать Тиффани, если ей не понравится Хантер. Волей случая девушка попадает на его ранчо и выдает себя за экономку.

Хантер также не горит желанием жениться на изнеженной, по его понятиям, горожанке. Он влюбляется в молоденькую домоправительницу, не подозревая, что это и есть его нареченная...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	35
Глава 10	39
Глава 11	42
Глава 12	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Джоанна Линдсей

Любовь не ждет

Johanna Lindsey

ONE HEART TO WIN

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a division of Simon & Shuster Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Johanna Lindsey, 2013

© Перевод. Л.В. Сазонова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

Еще до того, как ее дочь, Тиффани, открыла парадную дверь городского особняка, Роуз Уоррен перестала плакать, но она не могла выбросить из головы слова, расстроившие ее до слез: «Приезжай с ней, Роуз. Прошло пятнадцать лет. Неужели ты недостаточно долго мучила всех нас?»

Обычно она позволяла дочери читать письма от Франклина Уоррена. Он всегда сохранял нейтральный тон, так чтобы Роуз могла делиться ими с дочерью. Но не на этот раз, и Роуз поспешно смяла письмо и сунула его в карман, услышав голос Тиффани, донесшийся из холла. Дочь не знала, почему ее родители не живут вместе. Даже Фрэнк не знал истинной причины, заставившей Роуз покинуть его. И по прошествии стольких лет казалось, что лучше оставить все как есть.

– Тиффани, зайди, пожалуйста, в гостиную! – окликнула Роуз дочь, прежде чем та поднялась наверх, в свою комнату.

Войдя в гостиную, Тиффани сняла шляпку, блеснув в полуденном свете рыже-ваго-белокурыми волосами. Затем стянула с плеч короткую легкую накидку. Хотя погода стояла теплая, приличия требовали, чтобы уважаемые дамы, выходя из дома, одевались соответственно.

Глядя на дочь, Роуз в очередной раз осознала, что ее дорогая малышка уже не маленькая. В этом году Тиффани исполнилось восемнадцать, и Роуз молилась, чтобы ее дочь перестала расти. Со своими пятью футами и восемью дюймами она уже существенно превысила средний рост и часто сетовала по этому поводу. Ростом Тиффани пошла в отца, от него же унаследовала изумрудно-зеленые глаза, просто не знала об этом. От Роуз ей достались изящные черты, делавшие ее на редкость хорошенькой, и рыжие волосы, но скорее медного оттенка.

– Я получила письмо от твоего отца.

Ответа не последовало.

Раньше Тиффани радовалась письмам Фрэнка, но это время давно закончилось – примерно тогда же она перестала спрашивать, когда он приедет.

Сердце Роуз разрывалось при виде безразличия, с которым дочь стала относиться к своему отцу. Конечно, у Тиффани не сохранилось никаких воспоминаний о Фрэнке. Она была слишком мала, когда они уехали из Нэшарта, небольшого городка в Монтане. Роуз сознавала, что нужно было позволить им встречаться. Фрэнк был достаточно великодушен, чтобы присылать к ней в Нью-Йорк мальчиков, и она чувствовала себя виноватой, что не платит ему тем же, не разрешая дочери навещать его в Монтане. Но она слишком боялась, что Фрэнк не позволит Тиффани вернуться домой. Это был ее ночной кошмар, и отнюдь не беспочвенный. В гневе Фрэнк угрожал, что заберет у нее дочь. Это была не единственная угроза, к которым он прибегал, пытаясь воссоединить свою семью, и вряд ли его можно было винить в этих попытках. Но Роуз знала, что этого никогда не случится. И теперь предстояло столкнуться с тем, чего она боялась больше всего: если Тиффани окажется в Монтане, она, Роуз, больше никогда ее не увидит.

Наверное, ей следовало настоять, чтобы жених Тиффани приехал в Нью-Йорк и ухаживал за ней здесь. Но для Фрэнка это стало бы последней каплей. В течение пятнадцати лет он уважал ее желания и держался в стороне от дочери. Но пришло время, и Тиффани должна вернуться под его крышу. Мать обещала это Фрэнку и не может с чистой совестью держать их в разлуке и дальше.

Подойдя ближе, Тиффани протянула руку за письмом. Но Роуз указала ей на диван.

– Сядь.

Тиффани, несколько озадаченная, приподняла бровь, но села напротив матери. Комната была большой, как и сам дом. Родители Роуз происходили из богатых семей, прибывших из Старого Света, и теперь все состояние принадлежало ей. Вернувшись с трехлетней дочкой из Монтаны, Роуз обнаружила, что мать поправляется от болезней, которые за те пять лет, что Роуз отсутствовала, сделали ее инвалидом. Мать прожила всего четыре года, но по крайней мере Тиффани узнала свою бабушку.

Это было мучительное время в жизни Роуз. Ей пришлось отказаться от мужа и трех сыновей, а потом она потеряла и свою единственную родительницу. Но по крайней мере у нее была Тиффани. Наверное, она сошла бы с ума, если бы пришлось отдать и Тиффани. Но этот день все же настал...

– Опять важный разговор? – скучающим тоном осведомилась Тиффани.

– Ты стала дерзкой, с тех пор как тебе исполнилось восемнадцать, – заметила Роуз.

– Ну, если ты так называешь возмущение, которое гложет меня, то прекрасно. Пусть я буду дерзкой.

– Тиффани...

– Я не поеду в Монтану, мама. Мне нет дела, что это означает кровопролитие. Я не поеду туда, даже если больше никогда не увижу своих братьев. Я отказываюсь выходить замуж за человека, которого никогда не видела, – заявила Тиффани, скрестив руки на груди и вызывающе вздернув подбородок. – Ну вот, наконец-то я высказала все, что думаю, и не изменю своего решения.

– Я полностью с тобой согласна.

Глаза Тиффани удивленно расширились, и она радостно взвизгнула.

– Спасибо! Ты не представляешь, как я переживала по этому поводу...

– Позволь мне закончить, – перебила ее Роуз. – Я согласна, что нельзя выходить замуж за человека, которого ты никогда не видела. Ты поедешь в Монтану и познакомишься с ним. У тебя будет несколько месяцев, чтобы узнать его лучше. И если по истечении этого срока ты придешь к выводу, что он тебе не нравится, ты вправе покончить с этой помолвкой и вернуться в Нью-Йорк еще до холодов. Даю тебе слово, Тиффани.

– Почему ты никогда не говорила, что я могу отказаться от этого брака, который вы с отцом устроили, когда я была совсем маленькая?

– Потому что надеялась, что ты по доброй воле согласишься с выбором, который я сделала для тебя. Мне хотелось, чтобы ты привыкла к этой идее и, возможно, даже стремилась к этому моменту.

– Но Монтана совсем дикое место!

– Неужели мы не можем поговорить, не переходя на крик? – осведомилась Роуз и с легкой усмешкой добавила: – Монтана совсем не такая дикая, как тебе представляется. Мне казалось, что братья убедили тебя в этом. Это одно из самых красивых мест, которые я когда-либо видела. Вполне возможно, что тебе там понравится.

– Мне нравится здесь, где я выросла, где живут мои друзья, где живешь ты, – пробурчала Тиффани и продолжила громче: – И где мужчины не носят на поясе револьвер, всегда готовые выстрелить в человека. Как ты вообще могла согласиться на это, мама?

– Это было мое предложение.

Роуз никогда не признавалась в этом дочери, и теперь, глядя в изумрудные глаза Тиффани, расширившиеся от удивления, она пожалела, что не нашла способа объяснить раньше. Впрочем, вряд ли это было возможно.

– Выходит, это ты бросаешь меня на съедение волкам?

– Ради Бога, Тиффани, давай обойдемся без мелодрам. Это было единственное, что я могла придумать, чтобы покончить с враждой между Каллаханами и Уорренами. И хотя она началась не из-за полоски земли с источником воды, расположенной между двумя ранчо,

обе стороны используют эту землю, чтобы подогреть раздор, объявляя ее своей собственностью. Я никогда не видела таких безмозглых упрямцев. Стоит им одновременно оказаться у источника, и начинается стрельба. Включение этого участка в брачное соглашение между тобой и Хантером Каллаханом положило бы конец взаимным претензиям.

– И ты решила покончить с враждой, не тобой начатой, пожертвовав своей единственной дочерью?

– К вашему сведению, юная леди, Закери Каллахан – один из самых красивых мужчин, которых я когда-либо встречала. А с учетом того, что он женился на прехорошенькой женщине, можно не сомневаться, что его сыновья вырастут такими же красивыми. Так что я вовсе не считала, что приношу тебя в жертву. Наоборот, я была вполне уверена, что ты будешь в восторге, получив в мужа одного из Каллаханов. И потом, будучи человеком со стороны, я смотрела на вещи другими глазами. Конечно, владельцы ранчо довольно агрессивны, особенно когда дело касается их собственности, но не думаю, что для тех мест это такая уж редкость. Фрэнк и Закери – всего лишь два упрянца, не желающие уступать ни пяди. Разлад начался с неприятной истории, а споры из-за ручья на границе между двумя ранчо не позволяют ему закончиться. Но это не значит, что Каллаханы – законченные негодяи. Возможно, у Закери вспыльчивый и задиристый характер, но он преданный муж и хороший отец, что многое говорит о семье.

– Не ты начала эту вражду, и не тебе ее кончать, мама. Зачем ты вообще вмешалась?

Роуз не собиралась обременять Тиффани ужасами, которые ей пришлось пережить. Стрельба поднималась очень часто, и она боялась, что ее дети нарвутся на пулю. А потом ей пришла в голову простая мысль: покончить с враждой через брак. Когда Роуз поделилась этой идеей с Фрэнком, она и представить себе не могла, что они с Тиффани не останутся в Монтане. Она воображала, что Тиффани и Хантер вначале подружатся, а потом самым естественным образом влюбятся друг в друга...

Роуз постаралась найти простое объяснение.

– Конечно, мне была ненавистна эта вражда, но я старалась не обращать на нее внимания, пока однажды ночью твоего отца не принесли домой полумертвым. Его подстрелил не сам Каллахан, а один из его работников. Забавно, но на Западе работники принимают сторону своего хозяина, и некоторые заходят дальше, чем им приказано. Как бы там ни было, твой отец чуть не умер, а я так отчаянно желала положить конец кровопролитию, что была готова на все. И помолвка оказалась идеальным решением. С тех пор воцарилось перемирие. Твои братья росли, не рискуя схлопотать шальную пулю каждый раз, когда покидали усадьбу.

Роуз затаила дыхание, с нетерпением ожидая ответа Тиффани. То, что она сказала дочери, было лишь частью правды, хотя именно так они все рассуждали, когда ранили Фрэнка. Но, как выяснилось позже, стрелок работал не на Каллахана. У него был другой хозяин, который дергал за ниточки, куда более беспринципный и изощренный. Когда Роуз узнала об этом и поняла, что не может предъявить обвинение истинному виновнику, она сделала единственное, что могла придумать, чтобы помешать Фрэнку отомстить после выздоровления. Она снова подняла вопрос о примирении с помощью брака – верном средстве покончить с враждой между семьями – и на этот раз настояла на своем.

Она была единственной, кто знал, что на самом деле произошло той ночью и почему. Пусть так все и останется. Тем более что согласие Тиффани на этот брак, устроенный родителями, стало бы спасением для двух соседствующих семей, слишком упрямых, чтобы договориться о совместном использовании воды. Но Роуз не собиралась принуждать дочь к решению проблемы, созданной старшими поколениями. Она могла только попросить Тиффани дать шанс Монтане и Хантеру Каллахану.

К счастью, на лице Тиффани отразилось легкое любопытство.

– А что случится, если я и вправду откажусь от этого брака? Они снова начнут убивать друг друга?

Роуз внутренне сжалась.

– Не знаю. Надеюсь, что пятнадцать лет мирного сосуществования заставили их осознать, что не следует продолжать борьбу, начатую их дедами, которая не имеет к ним никакого отношения.

– А с чего все началось?

– Точно не знаю. Это как-то связано со свадьбой, превратившейся в перестрелку.

– Ты хочешь сказать, что эти две семьи предполагали породниться еще два поколения назад?

– Очевидно.

– Я бы не сказала, что это говорит в пользу твоей идеи повторить попытку, – указала Тиффани. – Похоже, брак между этими семьями обречен на неудачу.

Роуз одарила ее строгим взглядом.

– С таким отношением, наверное. Ты не могла бы по крайней мере встретиться с этим молодым человеком без предубеждения? Дай ему шанс, Тиффани. Он может сделать тебя очень счастливой.

Тиффани ненадолго задумалась.

– Пожалуй, теперь, когда знаю, что не обязана против желания выходить за него замуж, я могу посмотреть на эту идею под новым углом... скажем, как на двухмесячные каникулы в другой части страны. Когда мы едем?

– Я не поеду... не до конца, во всяком случае. Я провожу тебя до Чикаго и буду ожидать там, чем закончится это ухаживание.

Плечи Тиффани поникли.

– Зачем вообще ехать, если не до конца?

– Потому что я хочу находиться в относительной близости на тот случай, если вдруг понадобится тебе. А благодаря железнодорожному сообщению, проложенному теперь до Монтаны, Чикаго совсем близко от Нэшарта. Разумеется, с тобой поедет Анна. И я договорилась, что в Чикаго нас встретит отставной маршал¹, который будет сопровождать тебя на конечном отрезке пути, вплоть до порога твоего отца.

Тиффани казалась настолько удрученной предстоящей разлукой, что Роуз чуть сама не расплакалась.

– Неужели ты совсем не рада предстоящему путешествию? – с надеждой спросила она.

– Нет, – без всякого выражения отозвалась Тиффани и направилась к выходу.

– И совсем не хочешь снова увидеться с отцом?

– Снова?! – резко обернувшись, воскликнула Тиффани. – Я его даже не помню. Вы оба постарались, чтобы у меня не сохранилось никаких воспоминаний о нем. Будь честной, мама. Если бы я могла покончить с этой историей, не встречаясь с Франклином Уорреном, я бы так и сделала.

– Тиффани!

– Я не шучу и не хочу слышать всех этих оправданий, почему я росла без отца. Если бы он действительно хотел увидеть меня, то нашел бы способ. Однако этого не случилось. И теперь уже слишком поздно.

Она выскочила из гостиной, но Роуз успела заметить сердитые слезы, навернувшиеся на глаза дочери. Боже, что же она сделала с людьми, которых любит больше всего на свете?

---

¹ Сотрудник службы судебных маршалов США.

Глава 2

Ссора с матерью так расстроила Тиффани, что ее сердце все еще болезненно сжималось, когда она спустилась к обеду. Роузхватило одного взгляда на дочь, чтобы понять ее чувства. Она протянула руки, и Тиффани кинулась в ее объятия. А затем обе рассмеялись, потому что Тиффани с ее ростом пришлось слегка нагнуться, чтобы мать могла прижать ее к себе.

Обняв дочь за талию, Роуз повела ее в столовую. В доме Уорренов обеды носили формальный характер, и мать с дочерью одевались соответственно, независимо от присутствия гостей. Коралловое платье Тиффани украшала отделка из кремовых блесток вдоль выреза. На Роуз было синее платье с черным кружевом, но ее ярко-рыжие волосы с лихвой возмещали довольно скромные оттенки одежды. Только один из ее четырех детей, Рой, третий по старшинству, унаследовал ее рыжие волосы. Два других сына были блондинами, как и их отец. И только Тиффани с ее рыжевато-золотистыми волосами пошла в обоих родителей.

– Мы больше не будем говорить на эту тему, пока не придет время паковать вещи, – заверила Роуз дочь, когда они заняли свои места в одном конце длинного стола.

– Все в порядке, мама. Просто я настроила себя на то, что никуда не поеду. А теперь, когда решила ехать, у меня возникло несколько вопросов, которые давно пора задать.

Пожалуй, ей не следовало говорить последнее, решила Тиффани, заметив настороженное выражение, мелькнувшее на лице матери, прежде чем та улыбнулась и сказала:

– Конечно.

– Насколько я знаю, трансконтинентальный экспресс пересекает всю страну за четыре дня, а Чикаго даже ближе, чем на полпути. Я ценю, что ты собираешься сопровождать меня туда, но почему бы тебе не вернуться в Нью-Йорк и не подождать результатов этого ухода за домом, вместо того чтобы оставаться в Чикаго?

– Тебя и вправду это волнует?

Тиффани хмыкнула.

– Нет. Просто мне кажется, что если ты собираешься ехать до Чикаго, то я не вижу причин, почему бы тебе не проделать весь путь до Нэшарта. Зачем жить два месяца в отеле, когда...

– Чикаго – ближайший большой город, где имеются удобства, к которым я привыкла.

– Прекрасно, но разве в Нэшарте нет отеля?

– Когда я уехала оттуда, не было, только пансион. Теперь, возможно, появился, но я не могу скрываться в таком маленьком городе. Слишком многие меня помнят. Фрэнк обязательно узнает о моем приезде и выломает двери.

Тиффани бросила на мать недоверчивый взгляд.

– Выломает двери? А ты не преувеличиваешь?

– Нет.

– В таком случае почему он не явился сюда и не выломал двери? – поинтересовалась Тиффани с сердитыми нотками в голосе, которые мать, к счастью, не заметила.

– Потому что знал, что я посажу его в тюрьму, – отозвалась Роуз, добавив с отвращением: – В Нэшарте никто и глазом не моргнет, глядя на столь буйное поведение.

– Почему?

– Потому что я все еще его жена и все об этом знают, – ответила Роуз.

– Но почему, мама?

Вот он – вопрос, который интересовал Тиффани больше всего на свете и на который она никогда не получала удовлетворительного ответа. Ее родители пятнадцать лет жили раз-

дельно, но так и не развелись, чтобы снова вступить в брак. А Роуз все еще оставалась красивой женщиной, не достигшей сорока лет.

Ее родители встретились в Чикаго, когда Роуз гостила у своей двоюродной бабки, теперь уже покойной. В свой последний вечер в Чикаго Роуз отправилась на званый обед, который устраивал друг ее бабки, адвокат. Так вышло, что среди его клиентов оказался Франклин Уоррен, приехавший в город для заключения контрактов по продаже скота. Он тоже получил приглашение на обед. Проболтав с Роуз весь вечер, Фрэнк сел на следующий день в ее поезд, доехал вместе с ней до Нью-Йорка и начал стремительно ухаживать, вскружив ей голову. Через месяц они поженились. И это было все, что Тиффани знала о браке своих родителей.

Не дождавшись ответа, она укоризненно добавила:

– Я полагала, что когда мне исполнится восемнадцать, ты наконец расскажешь, почему я живу здесь, с тобой, а мои братья живут в Монтане с отцом.

– Здесь нечего рассказывать, – уклончиво отозвалась Роуз и принялась за суп, который только что подали. – Мы с твоим отцом просто не подходили друг другу.

– Предположим, вы достаточно подходили, чтобы пожениться и родить четверых детей.

– Не дерзи.

Тиффани скорчила гримаску.

– Извини. Мне не стоило этого говорить. Но, мама, я достаточно взрослая, чтобы услышать правду, и хотелось бы услышать ее до того, как я встречу с ним.

Роуз ела молча, словно не собиралась продолжать разговор. Тиффани так и не притронулась к своему супу.

Она уже подумывала о том, чтобы сдаться, когда Роуз наконец заговорила:

– Мы поженились слишком быстро, Тиффани, и только потом обнаружили, как мало у нас общего. И он не предупредил меня о вражде, которая не могла не повлиять на нашу жизнь. Тем не менее я делала все, чтобы наш брак состоялся. Я любила его.

И все еще любит, предположила Тиффани, но воздержалась от замечаний. Роуз всегда избегала этой темы. Утверждение, что они с Фрэнком не имели ничего общего, было явной отговоркой, чтобы не обсуждать настоящую причину, вынудившую ее оставить мужа.

– Будь у меня причина, я бы развелась с твоим отцом, – после короткого молчания добавила Роуз.

– Ты имеешь в виду другого мужчину?

– Да. Но этого не случилось. Впрочем, я не уверена, что могла бы получить развод. Вскоре после того как я сбежала, прихватив с собой тебя, он сказал, что не допустит развода.

– Ты сбежала?

– Да, посреди ночи, чтобы поймать первый утренний дилижанс и иметь фору перед Фрэнком. Тогда еще не было железнодорожного сообщения с Монтаной. А моя горничная прикрывала отъезд, сказав ему, что я плохо себя чувствую.

Тиффани была заинтригована. Она впервые слышала, что ее мать сбежала из Монтаны тайком. Но, если Фрэнк не проснулся и не обнаружил, что ее нет рядом, то...

– Разве вы... не спали в одной комнате?

– Нет, к тому моменту нет.

Тема была не настолько деликатной, чтобы смущаться, и Тиффани задалась вопросом, почему щеки ее матери вдруг вспыхнули. Роуз не краснела даже два года назад, когда посвящала Тиффани в таинства замужней жизни. Но если брак ее родителей дошел до того, что они даже не спали в одной постели, то ответ отчасти напрашивался сам собой. Должно быть, Роуз перестала желать своего мужа – в том самом смысле. Либо это, либо Франклин Уоррен просто превратился в скверного мужа, жизнь с которым стала для Роуз невыносимой. И если

последнее, то Тиффани хотела бы знать об этом раньше, чем появится на ранчо Уорренов. А вдруг он помешает ей уехать, если она откажется выходить замуж за Хантера Каллахана, точно так же как не давал уехать Роуз?

Но, поскольку Роуз явно чувствовала себя неловко, Тиффани решила не настаивать. Однако ей было любопытно, как матери удалось сбежать, ведь, возможно, и ей придется проделать то же самое.

– Разве добираться верхом не быстрее, чем в почтовой карете? – поинтересовалась она.

– Быстрее, конечно. К тому же я не сомневалась, что Фрэнк попытается перехватить нас по дороге. Поэтому на первой же остановке я купила билет на почтовую карету, следующую до ближайшей железнодорожной станции, но не села в нее. Вместо этого мы спрятались в городе.

– Я ничего не помню об этом путешествии.

– Неудивительно, ты была совсем крошкой.

– Значит, он опередил нас?

– Да. Гораздо спокойней знать, где он, чем постоянно оглядываться через плечо. Я телеграфировала своей матери, чтобы она встретила Фрэнка и попросила его убраться. Из-за его упрямства я не решилась сразу отправиться домой. Он не спал двое суток, простояв напротив нашего дома в ожидании моего появления. А потом еще три месяца оставался в Нью-Йорке, каждый день являясь к нашему порогу и колотя в дверь. Однажды ему даже удалось вломиться внутрь.

– Мы были там?

– Нет, я не собиралась даже приближаться к дому, пока он не уедет из города. Мы жили неподалеку у моей школьной подруги. Мама, конечно, добилась, чтобы Фрэнка арестовали за незаконное вторжение и обыск дома сверху донизу. Она ужасно злилась на него. Из-за его настойчивости мы не могли вернуться домой. Она заставила его посидеть неделю в тюрьме и только потом по моей просьбе отозвала обвинение. Но это возымело действие. Он наконец сдался и вернулся в Монтану.

– Возможно, он не развелся с тобой, потому что не оставлял надежды на твое возвращение, – заметила Тиффани.

– О, не сомневаюсь. Что бы я ни сказала, как бы ни относилась к этой идее, он продолжает думать, что в один прекрасный день я вернусь.

– А ты вернешься?

Роуз опустила глаза.

– Нет.

– Тебе не кажется, что твое нежелание получить развод дает ему напрасную надежду? Наверняка после стольких лет он не будет противиться?

– Не знаю. Он сказал, что сойдет в могилу женатым на мне. Он так упрям, что это вполне возможно. Но, повторяю, у меня никогда не возникало желания испытать его решимость.

– Вы переписываетесь, – заметила Тиффани. – Почему бы тебе просто не спросить его?

Роуз криво улыбнулась.

– Мы не касаемся «нас» в этих письмах, Тифф. Только первое время, по крайней мере с его стороны. Вначале он сердился, что я уехала, ничего не сказав, потом переживал, что отказываюсь вернуться, затем снова сердился. Наконец до него дошло, что я буду писать только о детях и ни о чем больше. Один раз, когда он написал о нашем браке, я не отвечала ему целый год. Когда же наконец написала, то предупредила, что впредь его письма будешь читать ты, и он ограничился нейтральными темами.

Все письма, которые Тиффани прочитала, были написаны в дружеском тоне. Некоторые даже были забавными, доказывая, что ее отец обладает чувством юмора. Но все, что он

писал, касалось ранчо, ее братьев, общих знакомых в Монтане, которых она не знала и которых, возможно, встретит, если отправится туда. Он никогда не обращался непосредственно к Тиффани, ограничиваясь просьбой передать ей его слова любви. Она читала и письма Роуз к мужу, и та всегда спрашивала, не хочет ли дочка что-нибудь добавить к письму. И Тиффани добавляла. Она рассказывала отцу, как училась кататься на коньках со своей лучшей подругой Марджори и как весело было, когда она падала на лед. О том, как она расстроилась, случайно разбив нос Дэвиду, соседскому мальчику, но он простил ее, и они остались друзьями. О котенке, которого нашла и потеряла, и они с Роуз искали его несколько недель. Она многим делилась в этих письмах, пока не начала испытывать обиду оттого, что отец ни разу не удосужился навестить ее.

Эта обида все росла, особенно когда ее братья приезжали к ним в гости – одни. Обычно Тиффани стояла у двери, глядя, как они вылезают из кареты, в ожидании, когда покажется отец. Но он не появлялся, и карета отбывала. Пустая. Когда это случилось в третий раз, Тиффани замкнулась, и при мысли о ФранкLINE Уоррене она ощущала только пустоту.

Она больше не стояла на пороге с надеждой в душе и слезами на глазах. Она перестала читать письма Фрэнка и делать приписки к письмам Роуз. В то время ей было лет девять-десять, Тиффани точно не помнила. После этого она только притворялась, будто читает его письма, чтобы мать не догадалась, как болезненно она воспринимает пренебрежение отца. Это был единственный способ защититься от чего-то, что так сильно ранило. Она постаралась в своем сознании задвинуть Фрэнка подальше, словно его не существует – пока не получила письмо от одного из братьев, где упоминался отец и откуда следовало, как сильно мальчики его любят. Когда она дочитала письмо до конца, по ее лицу ручьем катились слезы.

Братья не догадывались, что она чувствует. Приезжая в гости, они всегда говорили об отце. Они явно любили его. Почему бы и нет, ведь он не бросил их, как бросил ее? Они просто не замечали, что Тиффани не слушает их или пытается перевести разговор на менее болезненную тему. Она терпеть не могла время, когда им надо было уезжать, возвращаясь к отцу. С ними было так весело: играть, кататься верхом в парке, поддразнивать друг друга. Словно они были настоящей семьей. Их отъезд всегда доказывал обратное.

– Ты ненавидишь его, мама?

– Это слишком сильное слово. У твоего отца невыносимый характер. Упрямый, бесцеремонный, самоуверенный. Полагаю, это проистекает из того, что он построил свою империю собственными руками, из ничего. Он постоянно конфликтовал с соседями. Порой мне казалось, что он наслаждается этой войной. Бывали дни, когда я побаивалась покидать ранчо. Но он только смеялся, советуя не забивать свою хорошенькую головку подобными мыслями. Ты не представляешь, как это меня бесило. Я так злилась, что могла поскакать к Каллаханам и перестрелять их всех. Возможно, я так и сделала бы, если бы умела стрелять. Нет, я не возненавидела его, просто больше не смогла с ним жить.

– И ты не собираешься говорить мне почему, верно?

– Я ведь...

– Он обманул тебя, да? – догадалась Тиффани.

– Тиффани!

– Просто скажи «да». Это единственное, что имеет смысл.

– Мы всего лишь два человека, которые больше не могли жить под одной крышей. Я достаточно любила Фрэнка, чтобы покинуть его, предоставив возможность найти себе кого-нибудь более подходящего.

Это было неожиданное признание, вырвавшееся у Роуз на одном дыхании с попытками доказать противоположное. Может, все дело в том, что она слишком любила мужа? Что такого ужасного в правде, что заставляет Роуз придумывать отговорки, не имеющие никакого отношения к реальности?

Тиффани позволила себе еще одну догадку.

– А может, ты сама нашла кого-то другого, но это не сработало?

– Тиффани, перестань. Никакого другого мужчины не было. И другой женщины тоже. Была семейная драма и до сих пор остается. Зачем ты заставляешь меня переживать ее заново?

Роуз знала, что сказать, чтобы вынудить свою дочь отступить. Тиффани так и сделала. Она обожала мать. Но слишком долго жила с обидой в душе, уверенная, что отец бросил их обеих. И теперь, когда ей предстояло встретиться с ним, она опасалась, что на ранчо обида выплеснется в обвинения. Может, мать и не ненавидит Фрэнка Уоррена, но относительно себя Тиффани точно знала: чувство, которое испытывает к отцу, – ненависть. Оно было слишком сильным, чтобы быть чем-нибудь другим.

О боже, ей удалось сковать свое сердце льдом, притворяясь, что ей безразлично пренебрежение отца. Но теперь вся боль внезапно вернулась, накапливаясь в груди, и Тиффани снова почувствовала себя маленькой девочкой, стоящей у двери и глядящей вслед пустой карете.

– Извини, – сказала она матери. – Вообще-то я надеялась, что ты сможешь назвать причину не ненавидеть собственного отца, но, видимо, напрасно. Я поеду в Монтану, чтобы сдержать обещание, которое ты дала, но хочу встречи с Фрэнком даже меньше, чем ты.

Ее спокойный тон подсказал Роуз, что это не просто эмоциональное заявление.

– Каллахан может ухаживать за мной в городе, – после короткой паузы сказала Тиффани. – Мне незачем оставаться на отцовском ранчо.

– А как отнесутся Каллаханы к тому, что ты в ссоре со своим отцом? Не слишком убедительное свидетельство, что со старой враждой покончено, тебе не кажется?

– Ладно, – ворчливо отозвалась Тиффани. – Придется потерпеть.

Роуз рассмеялась.

– Детка, не забывай о своем воспитании. Ты должна быть вежливой и любезной. А теперь давай сменим эту чертову тему, – добавила она тоже не слишком изящно. – Ешь свою рыбу. Возможно, ты не скоро ее увидишь. На ранчо едят только говядину.

Тиффани кивнула, подавив досаду. Она так и не узнала, почему ее родители расстались. Но если мать не хочет говорить, может, отец расскажет...

Глава 3

– А я была уверена, что привыкла к путешествиям, – раздраженно заметила Анна, обращаясь к Тиффани. – Вашей матушке следовало предупредить, что этот хваленый пульмановский вагон, который она наняла, не довезет нас до места.

Тиффани усмехнулась, глядя на свою горничную через столик вагона-ресторана.

– Мама избаловала нас пульмановским вагоном. Но большинство людей путешествуют по стране именно так.

Анна Уэстон служила у нее горничной уже четыре года. Белокурая, кареглазая, она была всего лишь на пять лет старше Тиффани, хотя невинная внешность внушала иллюзию, что она намного моложе. В свои двадцать три года она была куда лучше приспособлена к жизни, чем большинство женщин, вынужденных зарабатывать себе на хлеб. В дополнение к тому, что она была весьма начитана и обладала красивым почерком, один из братьев научил ее клеить обои, от отца она научилась чинить мебель, а от матери – играть на четырех музыкальных инструментах. Агентство, приславшее Анну к Уорренам, предложило ей еще две вакансии: гувернантки и учительницы. Так что Анна могла выбирать место работы.

Ничего этого Тиффани не знала, пока Анна не прослужила у них некоторое время. Она не знала, что Анна чуть не отклонила их предложение, потому что Тиффани рассмешила ее во время собеседования. Не то чтобы у Анны отсутствовало чувство юмора, просто она не считала нужным обнаруживать его перед нанимателем. Но, будучи практичной, она в конечном итоге выбрала работу в доме Уорренов, потому что та оплачивалась существенно лучше, чем в других вариантах, которые у нее имелись. Анна так гордилась своим профессионализмом, что отказывалась называть Тиффани иначе, как мисс Тиффани. Правда, это не мешало Тиффани предпринимать попытки пробиться сквозь чопорные манеры своей горничной. Она не видела причин, почему они с Анной не могут быть подругами, и порой казалось, что ее усилия не напрасны.

Хотя Анна не считала себя подругой Тиффани, она была преданна ей всей душой и оберегала от любых посягательств, что делало ее отличной дуэньей. Стоило мужчине хотя бы искоса взглянуть на Тиффани, как Анна осаживала его свирепым взглядом. И к счастью, она имела склонность к приключениям – точнее, была склонна, пока они не покинули Чикаго. Она согласилась отправиться на «Дикий Запад», потому что ей всегда хотелось повидать свет. Тиффани тоже хотелось путешествовать. Как любой другой девушке ее возраста, ей хотелось совершить большой тур по Европе или хотя бы съездить к подруге Марджори в Ньюпорт, где она провела значительную часть прошлого лета. Но Тиффани определенно не хотела ехать в Монтану, куда еще не дошла цивилизация.

– Сиденья в этом поезде не такие уж неудобные, просто не настолько мягкие, как в пульмановском вагоне. По крайней мере в вагоне-ресторане, – заметила Тиффани.

Выражение лица Анны стало еще кислее, подсказав, что дело не в сиденьях. Впрочем, Тиффани и так это знала. Настоящая причина недовольства Анны заключалась в том, что поезд был переполнен и в пассажирских вагонах стояли духота и вонь, вызванные таким скоплением человеческих тел в тесном пространстве. Сиденья, рассчитанные на двух-трех человек, занимали четверо или пятеро, включая детей и плачущих младенцев. Тиффани и сама жаловалась бы на неудобства, не опереди ее Анна. Какой контраст по сравнению с роскошным пульмановским вагоном, находившимся в их полном распоряжении, словно они едут в небольшой гостиной!

Определенно Роуз не позволила бы им ехать в этом поезде, если бы знала, что придется путешествовать в таких жутких условиях. Но толпа фермеров с семьями погрузилась в вагоны не в Чикаго, а когда они пересекли границу Висконсина. Кондуктор извинился перед

Тиффани и Анной, объяснив, что теперь поезд функционирует как экспресс для переселенцев. Им просто не повезло, что в восточных штатах объявили об освоении новых земель в Монтане, что привлекло сотни, если не тысячи желающих перебраться туда и начать новую жизнь. Такой приток людей должен был способствовать развитию территории², нуждавшейся в рабочих руках, но превращал поездку в сущее мучение.

– Нет худа без добра, – заметила Тиффани, когда им подали еду. – Поскольку поезд больше не останавливается на каждой станции, чтобы взять пассажиров, мы приедем на пару дней раньше. Мама говорит, что дом на ранчо большой и благодаря ее усилиям прекрасно обставленный. Она уверена, что мы будем чувствовать себя, как дома, когда доберемся до места.

Прочитав последнее письмо Фрэнка, Роуз сказала:

– Они уже начали строительство твоего дома на спорной земле – и чуть не подрались. Глупо было думать, что они смогут работать вместе до того, как состоится свадьба. Но таков твой отец, безнадежный оптимист.

Она произнесла это с таким любящим выражением на лице, что в голове Тиффани возникли самые разные идеи, включая ту, которую она лелеяла в детстве, прежде чем ожесточилась: свести родителей вместе.

Поставив на стол блюда, официант склонился к Тиффани и прошептал:

– Извините, мисс, но из-за большой очереди мы не успеем обслужить всех желающих пообедать, если не заполним все места за столиками.

Это был не первый случай, когда Тиффани и Анне приходилось обедать с посторонними. Если бы поезд не превратился в экспресс, чтобы справиться с потоком желающих получить землю, они могли бы воспользоваться услугами ресторанов на железнодорожных станциях. А так, за двадцать минут остановки, если не меньше, они едва успевали размять ноги. Хорошо еще, что в составе имелся вагон-ресторан, пусть даже набитый битком.

Тиффани кивнула, выразив согласие. Анна вздохнула. За столик, хмыкнув, села молодая женщина по имени Дженнифер, с которой они познакомились накануне. Белокурая, смазливая, она была одета, как Тиффани, но без модного шика. Тем не менее она явно была горожанкой, а не одной из фермерских жен, облаченных в платья из выцветшего ситца. Дженнифер, похоже, путешествовала в одиночестве, что, по мнению Тиффани, было довольно храбро с ее стороны.

Спустя мгновение к ним присоединился молодой фермер в рабочем комбинезоне и бесформенной шляпе, которую он не снял. Официант поставил перед ним и Дженнифер тарелки и поспешил назад, на кухню. Фермер не сказал ни слова, ограничившись коротким кивком, и принялся за еду. Судя по низко склоненной голове, он, наверное, стеснялся, оказавшись за одним столом с незнакомками, или опасался, что они будут недовольны, если с ними заговорит незнакомый мужчина. Поскольку Анна вполне могла возмутиться, Тиффани решила, что его молчание даже к лучшему.

Дженнифер, напротив, оказалась разговорчивой особой.

– Вот мы и встретились снова, – сказала она, обращаясь к Тиффани. – Раз это превратилось в традицию, наверное, мне следует представиться. Дженнифер Флеминг из Чикаго. Экономка по профессии. Мое агентство направило меня в Нэшарт на год... или дольше, если мне там понравится.

Глаза Тиффани расширились при воспоминании о том, что сказала мать, помогая паковать вещи. «Зачем мне брать новую одежду, мама? – спросила она. – Вряд ли она понадобится мне на ранчо». «Понадобится, – возразила та. – Не нужно менять свои привычки только потому, что ты оказалась в Монтане. Я привила твоему отцу городские привычки, пока была

---

² Административно-территориальная единица США, не имеющая статуса штата.